

# ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕРИТОКРАТИЯ: ВОСТОЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНЫМ ТРАДИЦИЯМ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ В XXI ВЕКЕ

**В.С. Герасимов**

Московский государственный институт международных отношений (университет)  
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

*В статье рассматривается феномен политической меритократии. Автор исследует политические и экономические предпосылки вхождения концепта меритократии в политологический дискурс, а также особенности, которыми характеризовался данный процесс. Особое внимание при этом уделяется экономической обстановке начала 1980-х гг., когда правительства многих стран столкнулись с необходимостью преодоления последствий глобального экономического кризиса предыдущего десятилетия. Автор фокусирует внимание на сходствах и различиях проводимых в то время разными странами политик относительно царившего в них политического режима. Также внимание обращается на дискуссию об «азиатских ценностях», которая сыграла значимую роль в становлении политической меритократии в азиатском регионе. В статье анализируется возникновение и распространение меритократических подходов в практике государственного управления стран азиатского региона на примере Сингапура и Китая.*

*Автор выявляет теоретические основания политической меритократии и исследует культурологические предпосылки их формирования. В частности, исследуется значимость морально-этической доктрины конфуцианства для теории и практики меритократии. Также автор прослеживает проявление меритократических принципов в воззрениях отдельных представителей западной политической теории, среди которых исследуются как классические авторы (Платон, Джон Стюарт Милль), так и современные учёные (Джейсон Бреннан, Брайан Кэплан). В заключение автор анализирует возможности приложения меритократической теории и практики к российской действительности. Автор сопоставляет Россию, Китай и Сингапур по ряду политически и экономически значимых критериев, выявляет сходства и расхождения в политическом прошлом и настоящем, оценивает значимость отдельных культурологических факторов в развитии данных стран и на основании этого формулирует свои выводы относительно перспектив меритократии в России.*

**Ключевые слова:** политическая меритократия, государственное управление, азиатские ценности, политический режим, конфуцианство, Сингапур.

**Т**еоретическая и практическая актуальность исследования взаимозависимости экономического развития и государственного управления предполагает анализ новых явлений, отражающих современные тенденции общественного развития. Одной из них можно считать восточную альтернативу западным традициям управления обществом в XXI в. В 1992 г. американский политолог Фрэнсис Фукуяма в своей известной книге [8] провозгласил победу либеральной демократии над идеологическими соперниками как конец истории, так как её идеал представляет собой политический режим, которого желала бы каждая рациональная личность. Однако период эйфории, последовавший за развалом Советского Союза и упадком идей коммунизма, закончился, как только обнаружилось все сложности применения либеральных практик в развивающихся странах, особенно в социально-экономической сфере.

В то же время серьёзный вызов либеральной демократии возник и в восточноазиатском регионе. Противодействие распространению западных ценностей проявилось, прежде всего, в сфере идеологии. Отстаивая «азиатские ценности», некоторые политические лидеры Востока выступили против навязывания Азии западного видения демократии и прав человека. Качественной особенностью восточной культуры, по их мнению, является проявление большего внимания к семейной и социальной гармонии в обществе. Как выразился бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, азиаты «почти не сомневаются в том, что общество, где интересы общества преобладают над интересами индивидуалистическими, устраивает их значительно больше, нежели американский индивидуализм» [9].

Взгляды, высказанные Ли Куан Ю, нашли отклик в восточноазиатских политических и академических сообществах: довольно быстро по всему региону критически мыслящие интеллектуалы стали выражать свою позицию относительно толкования прав человека, в чём до тех пор они практически не имели возможности проявить себя. Таким образом, в 1990-е гг. в центре внимания исследователей, изучавших политические реалии в азиатском регионе, были преимущественно права человека<sup>1</sup>. Но насколько «универсальными» могут быть трактовки прав человека, которые отражают по большей части ценностные ориентации и политические практики западных либерально-демократических обществ? Как отмечалось выше, в сравнении с западной идеологией азиатские культуры менее индивидуалистичны, и они имеют право на самостоятельное развитие, хотя в настоящее время недостаточно представлены в политическом дискурсе. Более того, «азиатские ценности» и культурные традиции могут обогатить международное понимание прав человека и способство-

вать развитию этой части международно-правового дискурса, предотвращению конфликтов и управлению и проблемами в данной сфере.

#### **Политические и экономические предпосылки формирования меритократии**

Может возникнуть вопрос: действительно ли азиатский регион сильно отличается от западного мира? Юго-Восточная Азия, как и западные страны, представляет собой чрезвычайно большую и неоднородную территорию. В регионе распространено множество религий (ислам, индуизм, конфуцианство, христианство и буддизм), смешано множество рас, этносов, обычаев и языков. Предположение, что Азия обладает некоей уникальной культурной сущностью, которая фундаментально отличается от западной и вследствие этого сталкивается с принципиально иными проблемами, по меньшей мере неочевидно. Некоторые азиатские политики, например, бывший президент Южной Кореи Ким Дэ Джун, ставили под сомнение высказанную Ли Куан Ю идею «азиатских ценностей» и заявляли, что политические ценности и практики либеральной демократии являются универсальными и, более того, подходят азиатским странам<sup>2</sup>.

Дебаты азиатских лидеров приковали к себе внимание международной общественности в первую очередь потому, что диспутанты управляли такими странами, которые отчёт ООН по человеческому развитию охарактеризовал как «наиболее устойчивое и широко распространившееся чудо промышленного развития в XX в., а возможно, и во всей истории человечества» [7].

Действительно, в 1980-е гг. перед правительствами государств в обоих полушариях Земли стояла проблема преодоления последствий глобального нефтяного кризиса предшествующего десятилетия. В государствах азиатского региона начались широкомасштабные социально-экономические реформы, направленные на укрепление рыночного характера экономики и насыщение внутренних рынков. В Китае правительство Дэн Сяопина начало «политику реформ и открытости» [1, с. 109–117]. В Южной Корее с целью обуздания инфляции были снижены госрасходы и приняты жёсткие фискальные меры. Рост денежной массы был ограничен с 30% до 15%. После обширной либерализации для иностранных инвесторов были созданы более свободные условия. Чтобы сократить разрыв между городом и деревней, правительство увеличило объём инвестиций в такие проекты, как дорожное строительство, создание сетей коммуникаций и механизация деревенского труда.

В Сингапуре также происходила общая либерализация экономики, снижение налоговой нагрузки, проводился комплекс мер для привлечения инвесторов, велась жёсткая борьба с коррупцией, насаждался принцип верховенства

<sup>1</sup> Более подробно см. [3].

<sup>2</sup> Подробнее см. [10].

Рисунок 1

Динамика темпов роста объёмов ВВП «азиатских тигров» в 1980–1996 гг., %



*Примечание:* При построении данного графика автором были использованы скользящие средние значения периодом в 5 лет.

*Источник:* расчёты автора по статистическим данным Группы Всемирного Банка, <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/>.

закона и равенства перед законом всех, включая высших чиновников и их родственников [2]. Таким образом, при решении практических экономических проблем политики азиатских стран руководствовались универсальными либеральными рыночными принципами, и, казалось бы, ценности здесь ни при чём. В действительности было бы небольшим преувеличением сказать, что «азиатские ценности» были, по сути, «сингапурскими ценностями», которые всего лишь интерпретировались лидерами данного государства особым образом.

Представляется, что причиной подобной интерпретации, то есть своего рода экстраполяции интересов национальных на интересы региональные, являлось стремление лидеров Сингапура максимально легитимировать свой режим в глазах международного сообщества. Казалось бы, в чём может заключаться необходимость подобных политических манёвров? Дело в том, что политическим режимом Сингапура является политическая меритократия. Этот режим – в экономическом плане проявляющий себя как либеральный – в политическом плане рассматривается западными теоретиками как недемократический и даже авторитарный. Если относительно экономических и административных успехов либерально-демократической Южной Кореи в западном мире вопросов не возникает, то в отношении Сингапура следует закономерный вопрос: каким образом этот авторитарный режим может эффективно проводить рыночную экономическую политику, монополию на которую пытается провозгласить либеральная демократия?

#### Политическая меритократия в азиатском регионе

Сингапур является первой и пока единственной в мире страной, официальные лица которой провозгласили свой режим политической меритократией. Уникальность данного казуса закономерно привлекает внимание политических и экономических исследователей. В рамках

развития политической теории следует особое внимание уделить инновационному вкладу Сингапура. Его официальный дискурс имеет особую теоретическую и практическую значимость не столько из-за того, что он ставит под сомнение универсальность прав человека, сколько из-за того, что в нём возникают вопросы относительно универсальности самой либеральной демократии.

Сингапурские лидеры отрицают дихотомию между «хорошим» демократическим и «плохим» авторитарным режимами. Вернее будет сказать, что они рассматривают меритократию как концепт, наилучшим образом характеризующий политическую систему Сингапура. Учитывая небольшое население Сингапура и ограниченность ресурсной базы, делается вывод, что страной должны руководить люди, обладающие выдающимися талантами и наилучшими характеристиками, которые отбирались бы соответственно их заслугам. Лучше всего данную ситуацию описывает сам Ли Куан Ю: «Сингапур – это общество, основанное на усилиях и заслугах, а не на богатстве или привилегиях, полученных от рождения. Элиты обеспечивают направление, планирование и контроль над использованием возможностей государства в интересах народа... Эта группа использует наши ограниченные ресурсы таким образом, что они смогут стать тем катализатором в нашем обществе, который сможет обеспечить поддержание в Сингапуре... социальной организации, которая позволяет нам, не обладая практически никакими природными ресурсами, обеспечивать второй по высоте уровень жизни в Азии... Основное бремя текущего планирования и реализации государственных проектов ложится на плечи 300 ключевых личностей... Эти люди происходят из семей среднего и бедного класса. Они происходят из разных языковых групп. Сингапур – это меритократия. И эти люди пришли во власть благодаря их особым заслугам, тяжёлой работе и высокой производительности» [12, с. 315].

## ■ Международные отношения и мировая политика

В понимании современной науки, основная идея политической меритократии заключается в том, что каждый человек должен иметь равные возможности получить образование и принять участие в политической деятельности, но не каждый проявит равную способность подходить к принятию политических решений со всей ответственностью [4, с. 3]. Из этого следует, что в рамках данной теоретической парадигмы одним из ведущих направлений государственной политики является поиск и отбор людей с выдающимися способностями, а также создание для них условий максимально эффективного служения своему государству. Общество Сингапура заслуженно считается элитистским, в нём сильно ощущается политическое неравенство, что компенсируется равенством экономическим и значительными успехами в развитии экономики и в государственном управлении. Опыт Сингапура свидетельствует, что если лидеры хорошо справляются со своими обязанностями, то и народ, несмотря ни на что, в основной своей массе последует за ними.

Данный подход созвучен конфуцианским идеалам китайской диаспоры Сингапура. Как объясняет премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун (сын Ли Куан Ю), «многие конфуцианские идеалы до сих пор остаются значимыми для нас. Примером может служить принцип государственного управления, осуществляемого благородными мужами (цзюнь-цзы; *англ.*: junzi)<sup>3</sup>, которые исполняют долг перед народом, пользуются доверием и уважением населения. Это подходит нам больше, нежели западные установки на то, что власть государства должна быть ограничена настолько, насколько это только возможно, и что к ней необходимо относиться настороженно до тех пор, пока она не заслужит доверия» [13, с. 547].

Почему же сингапурский дискурс относительно политической меритократии не получил распространения за пределами самого Сингапура? Политическая система Сингапура разработана таким образом, что она занимается не только отбором способных, гуманных лидеров, руководствующихся конфуцианскими ценностями. Она также опирается на такие весьма противоречивые меры, как жёстко контролируемые СМИ, суровые ограничения на свободу собраний, решительная борьба с представителями политической оппозиции. Таким образом, в глазах многих зарубежных наблюдателей (особенно в западном мире) политическая система Сингапура всё равно предстаёт как (плохой) авторитаризм, пусть даже она и является более «мягкой» формой авторитаризма в сравнении с режимами наподобие Северной Кореи.

Более того, политический дискурс самого правительства говорит о том, что политическая

меритократия не должна быть универсальным политическим идеалом: необходимость отбирать и продвигать политические таланты острее всего ощущается в небольших городах-государствах без богатых природных ресурсов и, что даже более важно, в городах-государствах, где крайне ограничен запас этих талантов. Вследствие этого встаёт вопрос о целесообразности самого обсуждения универсальности данного идеала, который рассматривается только в рамках применения его к весьма специфическому городу-государству.

Тем не менее, судя по поступкам политических лидеров Сингапура, можно с уверенностью заявить, что они верят в то, что политическая меритократия может и даже должна оказывать влияние на политические реформы в других странах, особенно в тех, где присутствует конфуцианское наследие. Наиболее тесные связи, по всей видимости, образовались между Сингапуром и Китаем. С начала 1990-х гг. китайские чиновники регулярно посещают Сингапур для обучения, повышения квалификации и обмена опытом с коллегами. Так, с 1992 г. свыше 12 000 китайских чиновников в ранге мэра округа и выше проходили в Технологическом Университете Наньян программы тренингов, а также писали диссертации по управленческой экономике и государственному управлению. И многие из них в настоящее время занимают руководящие позиции в китайском правительстве<sup>4</sup>.

Безусловно, сингапурские политические ценности и институты не могут сиюминутно быть перенесены в такую большую страну, как Китай, однако некоторые аспекты политической системы Сингапура вполне применимы за рубежом. Начиная с Дэна Сяопина и вплоть до Си Цзиньпина, китайские лидеры постоянно подчёркивали необходимость изучения различных аспектов сингапурской модели управления. Отчасти вдохновлённая «сингапурской моделью», политическая система Китая за последние двадцать лет стала более меритократической. Не отрицая авторитарных характеристик китайской политической системы, такие видные современные сингапурские теоретики, как Хон Сяо и Шиньян Ли, доказывают, что Китай выработал сложную и всеохватывающую систему отбора и продвижения политических талантов [4, с. 340–362].

Успех меритократии в Китае очевиден: власти страны осуществили одну из самых выдающихся программ борьбы с бедностью в истории, благодаря которой несколько сотен миллионов людей смогли выбраться из-за черты бедности. Но настолько же очевидны и имеющиеся в Китае проблемы: коррупция, разрыв между бедными и богатыми, загрязнение окружающей среды, злоупотребления властью чиновниками, жёсткая

<sup>3</sup> Благородный муж, совершенный человек, человек высших моральных качеств, мудрый и абсолютно добродетельный человек, не делающий ошибок.

<sup>4</sup> Данные приводятся по материалам исследования Дэниэла Белла и Ченьян Ли, более подробно см. [4, с. 26].

борьба с политическими диссидентами, чрезвычайно влиятельные госкорпорации, которые деформируют экономическую систему в свою пользу, репрессии в отношении иноверцев в Тибете, дискриминация женщин. Ситуация в Китае вызывает особый интерес в России, которая в своей новейшей истории также сталкивается со многими из перечисленных выше трудностей.

В Китае все эти симптомы в некоторой степени даже усугубились с тех пор, как политическая система стала более меритократической<sup>5</sup>. Вероятно, частично данную проблему можно объяснить недостаточным уровнем развития институтов и практик демократического правления в Китае. Более демократичная система могла бы снизить объёмы злоупотребления властью, а также предоставила бы больше возможностей для политического самовыражения маргинализированных слоёв общества. «Демократические» реформы сейчас не поднимаются выше уровня местных выборов. С другой стороны, политическая меритократия в Китае пока ещё недостаточно развита. Политической системе необходимо и далее «меритократизироваться», чтобы должностные лица выбирались и продвигались на основании их способностей и высоких нравственных качеств, а не за счёт политических связей, богатства или семейного происхождения.

Сейчас мир наблюдает китайский эксперимент с меритократией. Китай, в отличие от Сингапура, может «потрясти мир». В начале 1990-х гг. мало кто мог прогнозировать, что китайская экономика будет расти настолько быстро и, тем более, станет второй по величине в мире. Через двадцать лет мы, вероятно, будем обсуждать, как политическая меритократия китайского типа создала альтернативную модель – а, возможно, даже вызов – западной демократии.

#### Политическая меритократия в западной политической теории

Безусловно, идеал политической меритократии не является абсолютно чуждым западной политической теории и практике. Платон в своём «Государстве» по сути, отстаивал меритократический политический идеал. Наилучший политический строй, по его мнению, состоял из политических лидеров, отобранных на основании их исключительных способностей выносить политические решения со всей возможной ответственностью; лидеров, которые обретали всю полноту власти для управления обществом.

Меритократия оставалась довольно влиятельным течением и в последующие исторические периоды, хотя мыслители редко отстаивали чистую форму политической меритократии. Отцы-основатели США и такие «либеральные эли-

тисты» XIX в., как Джон Стюарт Милль и Алексис де Токвиль, выдвигали политические идеи, пытались связать воедино меритократические и демократические принципы (в частности, введение таких мер, как применение образовательных цензов к избирателям). Однако из современного западного политического дискурса теоретизирования относительно политической меритократии практически исчезли. На Западе существуют сотни, если не тысячи, книг по теории и практике демократии, но сложно найти серьёзную работу об идеях политической меритократии, а на русском языке их нет вовсе.

Отсутствие интереса к меритократии было бы оправдано наличием консенсуса относительно того, что либеральная демократия является наилучшей политической системой (или, как минимум, наихудшей, как сказал в своё время Уинстон Черчилль). Напротив, в этом становится всё больше сомнений. «Управленческие кризисы» в западных демократиях, вызванные беспрецедентной глобализацией движений людей, товаров, услуг и капиталов, очевидны и изучаются экспертами [11]. Экономические интересы вносят диспропорции в политический процесс, особенно в американской политической системе, которая иногда описывается, и возможно, не так уж несправедливо, как «один доллар – один голос», нежели чем «один человек – один голос».

Политические теоретики поднимают вопросы относительно избирательной системы как таковой. С одной стороны, проблема заключается в том, что избиратели зачастую осуществляют свой выбор, исходя из личных материальных интересов, не задумываясь об интересах будущих поколений, на которых скажутся результаты текущей политики государства. Современный политический философ Джейсон Бреннан утверждает, что избирателям не следует приближаться к кабинкам для голосования, если они не в состоянии изъяснять свою политическую волю без должной ответственности [5]. Действительно, существуют ситуации, когда воздействие эгоистических экономических интересов у избирательной кабинки может привести к нежелательным последствиям для избирателей, которым не достаёт представительства (например, ситуация с глобальным потеплением). Не менее тревожным является тот факт, что избиратели зачастую не в состоянии сформулировать собственные интересы. Опираясь на широкое эмпирическое исследование, американский экономист Брайан Кэплан показал, что избиратели часто ведут себя иррационально, и предложил в качестве решения проведение специального тестирования избирателей на компетентность [6].

<sup>5</sup> В последние годы выявляется всё больше случаев злоупотребления властью, в том числе в высших эшелонах. Только за последние 2 года уголовному преследованию подверглись бывший министр железных дорог Лю Чжицзюнь, бывший министр энергетики Лю Тенань, бывший секретарь парткома города Чунцин Бо Силай, бывший заместитель самого Си Цзиньпина в Центральном военном совете и бывший член Политбюро Сюй Цайхоу, бывший член Политбюро и глава госбезопасности Чжоу Юнкан и др.

## ■ Международные отношения и мировая политика

Такие предложения уже не раз высказывались в истории либеральной демократии, однако никто не хочет отдавать или ограничивать своё право голоса, однажды его получив. Нет нужды говорить о том, что полномасштабные меритократические реформы вряд ли возможны в либеральных демократиях, но они могут найти своё выражение в формировании принципов рекрутирования эффективных политических элит, выраженного в формуле «один человек – один голос», где каждый «человек» ведёт себя ответственно в духе конфуцианской концепции благородного мужа.

### Опыт политической меритократии применительно к России

Теория и практика политической меритократии в Сингапуре и Китае имеют большое значение для российской действительности вследствие значительного сходства по целому ряду показателей, среди которых, в первую очередь, можно выделить полиэтничность и многоконфессиональность, что уже само по себе ставит множество проблем для государственного администрирования. По мнению западных аналитиков, Россия, как Китай и Сингапур, является скорее авторитарной, нежели демократической страной. Во всех трёх странах прослеживаются ограничения свободы слова и политической оппозиции, что приводит к фактическому доминированию одной политической партии («Единая Россия» в России, «Коммунистическая партия Китая» в Китае и «Партия Народное действие» в Сингапуре). В России, как и в Китае, очень остро стоит проблема коррупции и злоупотребления властью должностными лицами; в Китае в отношении таких преступлений предусмотрено наказание в виде смертной казни.

**Таблица 1**  
**Распределение России, Китая и Сингапура в ключевых международных рейтингах, отражающих политико-экономическое состояние государства**

Показатель	Место в рейтинге в 2014 г.		
	Россия	Китай	Сингапур
Индекс свободы слова	148	175	150
Индекс восприятия коррупции	136	100	7
Индекс глобальной конкурентоспособности	53	28	2
Рейтинг налоговых систем мира	49	120	5

*Источники:* The 2014 World Press Freedom Index, Reporters without Borders, <http://rsf.org/index2014/en-index2014.php>; The 2014 Corruption Perceptions Index, Transparency International, <http://www.transparency.org/cpi2014/results>; The Global Competitiveness Report 2014–2015, World

Economic Forum, <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>; Paying Taxes 2015, PricewaterhouseCoopers, <http://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/overall-ranking-and-data-tables.jhtml>.

При обретении независимости Сингапур тоже страдал от высокого уровня коррупции. Ли Куан Ю так характеризовал положение: «Коррупция является одной из черт азиатского образа жизни. Люди открыто принимали вознаграждение, это являлось частью их жизни». Борьба с коррупцией началась «путём упрощения процедур принятия решений и удаления всякой двусмысленности в законах в результате издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования». Были резко подняты зарплаты судей, на судебские должности были привлечены «лучшие частные адвокаты». Зарплата сингапурского судьи достигла нескольких сот тысяч долларов в год (в 1990-е гг. — свыше 1 млн долл.). Были жёстко подавлены триады (организованные преступные группировки). Личный состав полиции был заменён с преимущественно малайцев на преимущественно китайцев (этот процесс сопровождался эксцессами, и Ли Куан Ю лично приезжал в расположение взбунтовавшихся малайских полицейских для ведения переговоров).

Госслужащим, занимавшим ответственные посты, были подняты зарплаты до уровня топ-менеджеров частных корпораций. Был создан независимый орган по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти (расследования были инициированы даже против близких родственников Ли Куан Ю). Ряд министров и высших чиновников, уличённых в коррупции, были приговорены к различным срокам заключения, либо покончили жизнь самоубийством, либо бежали из страны. Среди них были и давние соратники Ли Куан Ю, такие как министр охраны окружающей среды Ви Тун Бун. В итоге Сингапур (в соответствии с международными рейтингами) стал одной из наименее коррумпированных стран мира [2]. Последовательно проводя политику учреждения правового государства в полном смысле этого слова, Сингапур существенно переработал законодательство, которое стало более прозрачным и жёстким.

Уровень преступности в Сингапуре – один из самых низких в мире<sup>6</sup>, предусмотрена и применяется смертная казнь. Проявления межэтнической вражды и ненависти караются законом (учитываются даже дискуссии в Интернете). Некоторые преступления караются битьём палками. Особо жестокие убийства и торговля наркотиками караются смертной казнью через повешение. В качестве сходства России и Сингапура можно, ненадолго возвращаясь к дискуссии об «азиатских ценностях», провести параллель с выработкой в своё время отечественной концепции «суверенной демокра-

<sup>6</sup> Согласно ежегодному отчёту Министерства внутренних дел Сингапура, в 2013 г. на 100 000 населения было зафиксировано всего 555 преступлений.

тии», которая, помимо прочего, преследовала своей целью легитимацию правящего режима в России в глазах международного сообщества.

Как уже говорилось выше, Китай в последние десятилетия активно перенимает опыт Сингапура с целью меритократизации своего режима и решения проблем в сфере экономики и государственного управления. Безусловно, крайне важным фактором успешного «меритократического транзита» из Сингапура в Китай является широкая распространённость в обеих странах конфуцианства. Традиционно в китайской религии и философии сплетаются конфуцианство, даосизм и буддизм. Конфуцианство, первым обретшее влияние в Китае, по сути, стало кодексом подчинённости индивида обществу и его ответственности перед ним. Разработанное Конфуцием и развитое его последователями конфуцианство защищает структурированность социума, опирающуюся на моральные принципы, которые связывают индивидов и определяют пять типов общественных отношений: родитель-ребёнок, правитель-подданный, брат-брат, муж-жена и друг-друг. В императорском Китае конфуцианство было философией учёных-мыслителей. Долгие годы в КНР оно считалось реакционным учением аристократии. В свою очередь, представления об аристократе-мыслителе перекликаются в западной традиции с философами-правителями из «Государства» Платона.

Тот факт, что в России доминирующей религией является православное христианство, конечно, может затруднить применение основывающихся на конфуцианстве меритократических принципов управления. С другой стороны, так как конфуцианство не является религией (и, тем самым, не создаёт конкуренции традиционным религиям), а по сути, представляет собой морально-этическую доктрину, оказывающую значительное внимание традициям и традиционализму, применение

отдельных его положений в российской действительности всё же представляется возможным. На наш взгляд, в грядущие десятилетия Россия, как и Китай, учитывая опыт Сингапура, может извлечь для себя пользу из идей меритократии.

### Заключение

Экономический подъём Китая вместе с управленческими проблемами в демократических странах вдохнул новую жизнь в теорию меритократии. Но что представляет собой теория политической меритократии, и как она может устанавливать критерии для оценки политического прогресса или регресса? Возможно ли встроить лучшие меритократические практики в демократические институты, и, если да, то каким образом? Как может меритократия быть трансформирована относительно недемократического контекста таким образом, чтобы она выглядела легитимной в глазах людей и позволяла бы не допускать злоупотреблений, свойственных авторитарным режимам?

Сегодня ряд западных исследователей (философов, экономистов, политологов, историков и социологов), анализируя политическую меритократию, рассматривают её как принцип формирования политической системы, основанной на отборе, подготовке и продвижении выдающихся лидеров, обладающих личностными достоинствами и способных обеспечить социально справедливое и экономически эффективное управление обществом. Представляется, что восточная альтернатива в виде меритократии, по сути, не исключает демократических ценностей, но и не рассматривает их как приоритет в управлении обществом. Видится целесообразным дальнейшее изучение опыта меритократической теории и практики политологами и экономистами на международном уровне в целом и в приложении к российской действительности в частности.

### Список литературы

1. Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости КНР // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 109–117.
2. Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000). М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 576 с.
3. Bauer J.R. & Bell D.A. eds. The East Asian Challenge for Human Rights. Cambridge University Press, 1999. 412 p.
4. Bell D.A. & Li C. eds. The East Asian Challenge for Democracy: political meritocracy in comparative perspective. Cambridge University Press, 2013. 412 p.
5. Brennan J. The Ethics of Voting. Princeton University Press, 2011. 232 p.
6. Caplan B. The Myth of the Rational Voter. Princeton University Press, 2007. 296 p.
7. Crossette B. U.N. Survey Finds Rich–Poor Gap Widening / New York Times, 15.07.1996.
8. Fukuyama F. The End of History and the Last Man, New York: Free Press, 1992. 464 p.
9. Lee Kuan Yew's Interview in International Herald Tribune, 9–10 November 1991.
10. Kim D.J. Is Culture Destiny? The Myth of Asia's Anti-Democratic Values / Foreign Affairs, November–December 1994. Pp. 189–194.
11. Kupchan C. The Democratic Malaise / Foreign Affairs, January–February 2012. Pp. 62–67.
12. Kwang H.F., Fernandez W., & Tan S. Lee Kuan Yew. The Man and His Ideas. Singapore: Times Editions, 1998. 315 p.
13. Lee E. Singapore: The Unexpected Nation. Singapore: ISEAS, 2008. 547 p.

### Об авторе

**Герасимов Владислав Сергеевич** – аспирант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России.  
E-mail: vlaydan@mail.ru.

## POLITICAL MERITOCRACY AS EASTERN ALTERNATIVE TO THE WESTERN PUBLIC ADMINISTRATION TRADITIONS IN THE 21<sup>ST</sup> CENTURY

V.S. Gerasimov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

**Abstract:** *The article discusses political meritocracy phenomenon. The author examines political and economic backgrounds of the meritocracy concept occurrence within the political science discourse as well as distinctive features of that process. Special emphasis is put on economic situation of the early 1980s when the governments of various states were challenged with the necessity of overcoming the consequences of the global economic crisis of the preceding decade. The author focuses on similarities and distinctions within the policies which have been implemented by the various states at that period paying special attention to the form of the political regime in those countries. Also the author draws attention to the discussion on "Asian values" which played significant role in the political meritocracy coming-to-be process within Asian region. The article analyses origin and dissemination of the meritocratic approaches among public administration practices of some countries within Asian region (eg. China and Singapore).*

*The author reveals main theoretical grounds of the political meritocracy and researches culturological backgrounds of those theoretical grounds. Specifically, he studies the significance of the Confucianism moral-ethic doctrine regarding theory and practice of meritocracy.*

*Additionally the author traces the displays of the meritocratic principles within the views of the various representatives of the western political theory among which both classic (Plato, J.St. Mill) and contemporary (Brennan J., Caplan B.) thinkers are represented.*

*In conclusion the author analyses the opportunities of the meritocratic theory and practice implementation in Russian reality. He compares Russia, China and Singapore via the list of criteria of political and economic importance, reveals similarities and distinctions in the political past and present of those states, estimates the significance of some culturological factors regarding the evolution of those states and formulates his conclusion on the prospective of meritocracy in Russia.*

**Key words:** political meritocracy, public administration, Asian values, political regime, Confucianism, Singapore.

### References

1. Gel'bras V.G. 30 let reform otkrytosti KNR [30 years of the PRC's openness reforms]. / Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2009. No. 3. Pp. 109–117. (In Russian)
2. Lee Kuan Yew. Iz tret'ego mira – v pervyi. Istoriia Singapura (1965–2000) [From third world to first. The Singapore Story: 1965–2000]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2014. 576 p.
3. Bauer J.R. & Bell D.A. eds. The East Asian Challenge for Human Rights. Cambridge University Press, 1999. 412 p.
4. Bell D.A. & Li C. eds. The East Asian Challenge for Democracy: political meritocracy in comparative perspective. Cambridge University Press, 2013. 412 p.
5. Brennan J. The Ethics of Voting. Princeton University Press, 2011. 232 p.
6. Caplan B. The Myth of the Rational Voter. Princeton University Press, 2007. 296 p.
7. Crossette B. U.N. Survey Finds Rich–Poor Gap Widening. New York Times, 15.07.1996.
8. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 464 p.
9. Lee Kuan Yew's Interview in International Herald Tribune, 9–10 November 1991.
10. Kim D.J. Is Culture Destiny? The Myth of Asia's Anti-Democratic Values. / Foreign Affairs, November–December 1994. Pp. 189–194.
11. Kupchan C. The Democratic Malaise. / Foreign Affairs, January–February 2012. Pp. 62–67.
12. Kwang H.F., Fernandez W., & Tan S. Lee Kuan Yew. The Man and His Ideas. Singapore: Times Editions, 1998. 315 p.
13. Lee E. Singapore: The Unexpected Nation. Singapore: ISEAS, 2008. 547 p.

### About the author

**Vladislav S. Gerasimov** –Post-graduate student, Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: vlaydan@mail.ru.